

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СОЕДИ-
НЕННЫХ ШТАТОВ И
КАНАДЫ.

РАССВЕТ

OFFICIAL ORGAN OF
THE RUSSIAN TRADE
UNIONS OF THE UN-
ITED STATES AND
CANADA

THE DAWN - RASSVIET

THE ONLY RUSSIAN DAILY NEWSPAPER IN AMERICA, OUTSIDE OF NEW YORK, PUBLISHED DAILY EXCEPT SUNDAYS AND HOLIDAYS, BY THE RUSSIAN PUBLISHING COMPANY, INC.

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА ГАЗЕТЫ „РАССВЕТ“ открыта ежедневно, кроме
воскресных дней, от 9 часов утра до 7 часов вечера.
ТЕЛЕФОН РЕДАКЦИИ: MONROE 7261

Entered as Second Class-Matter, August 4th, 1917, at the Post Office at
Chicago, Illinois, Under the Act of March 3rd, 1879.

ОТДЕЛЕНИЕ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ ГАЗЕТЫ „РАССВЕТ“ В ДЕТРОИТЕ:
S. PAWLOFF, 9219 RUSSELL ST., DETROIT, MICH.
ТЕЛЕФОН: WEMLOCK 4130

„Идея“ и лик Достоевского.

Главный вопрос... — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь — существование Божие. — (Из письма Ф. М. Достоевского к А. Н. Майкову от 25 марта 1870 г.)

ДОСТОЕВСКИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ.

1.

Литература о Достоевском разрабатывается все больше и больше, и число толкователей и джотолователей увеличивается с каждым годом, в особенности, с тех пор, как поставленные русским эфиром переломные задачи требуют от него роли Дантас: в Достоевском больше, чем в ком-либо другом русском писателе, Западная Европа не склонна видеть прозорливца, прочитавшего, если не сокровенные смыслы всемирной истории, то, во всяком случае, тайну русской жизни, вехи судеб России. При этом замечается одна любопытная черта: до разразившейся над миром страшной катастрофы иностранные исследователи подходили к творчеству Достоевского почти с литературно-психологической меркой. Сварес, например, в своей книжке, посвященной творчеству Ибсена, Паскаля и Достоевского („Trois hommes“, Ed. Nouvelle Revue Française) старается в русском писателе „различить такого себе“ (285). Его обзадания думная мысль загнать в эту пронасть, пенять на опасность выходящих из нее, но он на минуту не свине

вазся, что ему удастся выдобраться живьем из опасного положения, где обладающему менее крепкой головой все гибелью грозит, да еще обогатиться новым мировоззрением. Пусть мрак, хаос, кошмарное безобразия созданных Достоевским миров нас не смущают: *Surtout corba!* Под лохмотьями терзав Достоевского срываються боги, святые, первосвященники, пороки к свету, вода без устали, стремящаяся к преобразению (Там же). После войны, революции и большевистского переворота отношение западно-европейской критики к Достоевскому резко меняется. У одних — не в меру торопливых — возникает даже мысль о предохранительных рюкзачках, о мере протекционизма против опасного яда. Другие, более смелые и уверенные в себя, надеются, что им удастся укротить опасные позиции, внести в темные места свет западно-европейской логики.

В этом отношении особенно характерна книга Андре Жида о Достоевском. Автор „Имморалиста“ не повсюду по части исследования „опасных“ делений европейской мысли. Можно даже сказать, что

знаменитый линик Павлоры всегда привлекал его особенное внимание и любопытство. Его Марселли и Менашки „углубляют“ и обостряют проблемы Ницше на свой лад, приходит в удае от честных людей, „от здоровенного розового куста без роз и без шипов“ („Имморалист“ 221, 229), предаются маленьким, благоухающим порокам и все это проделывают с необыкновенной грацией и изяществом тонких знатоков запретных, обычно, „менцанской“, точки зрения, плодов развращенной культуры. А Жид и теперь не прочь поиграть с ошем аморализма — сущность проблемы переоценки всех ценностей, как она поставлена у Ницше в его знаменитой формуле „по ту сторону добра и зла“, остается несомненно вне поля зрения. А Жид и его, наделавший столько шуму роман только до недоразумения можно назвать художественным воплощением заветных дум Ницше.

Бездна под нами, бездна самого дикого и злощастного надежды, на прокурорском языке Ипполита Кирилловича, не может испугать блестящего писателя, любимейшим афоризмом которого является следующая цитата его собственного видения: „... добрые чувства созидают плохую литературу“... — нет над общего настоящего произведения искусства без сотрудничества

„дьявола“ — (247, 253). Очевидно, в лице А. Жида мы имеем дело с человеком опытным, давно распробовавшимся с „назвездным французским романтизмом“, его не испугаешь ни бездной сверху, ни бездной под нами. Но вот тут-то и замечается любопытнейшая черта в человеке, изведавшем как будто все соблазны, испытывавшем все искушения: хаотический мир Достоевского его неотразимо привлекает к себе как чары волшебница и в то же время отталкивает и пугает как засасывающую омут. И, если бы це палежка на свою крепкую голову, на силу ортавизирующего французского гения, он никогда не отважился бы идти в этот мир больных, неуравновешенных людей, с их тревожной двойственностью (177), позволяющей им одновременно носить в груди самые разнообразные чувства. Французские художники, Бальзак, например, всегда стремились к психологическому единству своих героев, и в этом стремлении они часто жертвовали истиной, т. е. истинными линиями (170). Признание певное и высказанное знатоком в этих вещах. Как органический недостаток национальной литературы А. Жид воспринимает присутствие французскому духу таготенце к формуле, которая быстро выражается в литературный прием (181). На родине Борнелая как будто проснулось желание победить в себе страх перед деформацией (183). Но тут то восторжен

ность и наступает, когда разложение начинает угрожать не отным литературным формам. И А. Жид считает нужным возвысить голос человека, имеющего за собой преимущество богатого культурного опыта. Пусть Россия больна, пусть она, подобно Кириллову из „Бесов“, заявляет своеволие безумца: если необходимо, чтобы Кириллов был болен идеями бунта, то его болезнь имеет ту хорошую сторону, что прививает другим уже ослабленные культуры того яда, от которого он погиб (279). Жертва не будет напрасна: Россия погибнет на кресте страдания, но вся Европа, весь остальной мир спасется, может быть, (292). Своеобразная логика, которая вносится в исторический ход событий этими несколькими пожеланиями собственного благополучия на развалинах чужой культуры, конечно, очень мало соответствует излюбленным идеям-прорицаниям Достоевского о новом слове, которое Россия скажет Западной Европе: на Западе „ждут будущего муравейника, а пока заливают мир кровью“, мы же „станем всем слугами, для всеобщего примирения“. — (Изл. Марселя, X, 225). Там, где автор „Дневника писателя“ старается справиться с миром с его светлой и чистой грядущей гармонией, французский писатель пользуется отрезвляющей логикой, охлаждающим действием чужого исторического опыта, чтобы устроиться и с богом, и с сатаной, как А. Жид называет своего „зодиахального босса“ с на

„смерком“ на земле. Но если бы судьбы народов можно было ковать по своему произволу в огне и пламенных проповедей нового слова, то земля давно была бы обращена в цветущий райский сад, а что завлахла холодная рассудочность, черпавшая наглядные уроки не чужого печального исторического опыта, мы все слишком хорошо знаем и чувствуем.

Русская душа хаотична, порожает своей непоследовательностью, неожиданностью существования самых противоположных чувств. То, что французам кажется смехотворным, тщетным, от чего они из всех сил стараются освободиться в своем стремлении быть психологической единицей, привлекает как раз и притягивает к себе Достоевского (169-170). И он „бежит“ к своей осанке, как Изотин к своему Единому. — успешно, или безуспешно, это другой вопрос. Француз, европейцу и бесить нечего: бездонные глубины его не пугают, мрак и хаос поднолья ему ни в чем, он всегда сумеет заделать в основательно закрыты, засыпан разворачивающую под его ногами пронасть. И как этой „partante obturation des abimes“ как выражается Riviere в *Nouvelle Revue Française* французский писатель пользуется отрезвляющей логикой, охлаждающим действием чужого исторического опыта, чтобы устроиться и с богом, и с сатаной, как А. Жид называет своего „зодиахального босса“ с на ухаживавшего скрытую пружину

всех человеческих поступков в са-
молюбии, он не может удовлетвори-
ться и формулой Мельхиора де Во-
тюа, преподнесшего "на серебрян-
ном блюде своего красноречия же-
лезные ключи религии страдания".
А ведь эта последняя формула,
пошлостью своей простоты и легкой
усвояемости, представляла еще и
то удобство, что позволяла с пол-
ным спокойствием и безразличием
относиться к мукам русского наро-
да: раз он авторитетным голосом
одного из своих величайших писа-
телей заявляет о своей любви к
страданиям, то как же их ему не
подбавить, если не из человеко-
любия, то хоть из желания доста-
вить ему удовольствие? Следова-
тельный гедонист так бы и посту-
пил. Однако, надо отдать справе-
дливость А. Жиду, он изменяет,
и не раз, своей логике, долженст-
вующей внести порядок в хаоти-
ческий мир русского писателя и,
пользуясь богатым материалом пи-
сем, дневников и художественных
произведений Достоевского, дает
довольно сложную и пеструю кар-
тину, полную ярких красок крича-
щих противоречий: каждый почти
герой Достоевского осуществляет
как бы произвольную функцию вза-
имно поборачивших друг друга
идей. Смирение и гордость, само-
унижение и жажда мучительства
находят в А. Жиде внимательного
исследователя, который, вразда, с не-
которым удивлением следит за
этими борющимися в душе героев
Достоевского противоположностями -

ми: ему кажется странным, что
для русского может так возникнуть
вопрос, где европеец давно почил
на кодексе условных правил и за-
конов. Сознание своей греховно-
сти, бессилия, жажда всенародно-
го покаяния, всепрощения, — как
все это чуждо западно-европейско-
му чувству чести, с презрением,
с высоты величия испанских гран-
дов, смотрящему на муки униже-
ния, страдания, которые доброво-
льно на себя принимают "герои"
Достоевского. (127—9). Обнажая
натоту, незалеченную рану Достоев-
ского, А. Жид склонен видеть в
страстной жажде самоунижения по-
давленную, загнанную в глубь гор-
дыню, жаждущую исторгнуть да-
же у врага слезы всепрощения.
(130—133), так же, как в смер-
тельной тоске, продиктовавшей Ни-
цше его Антихриста, его "Ессе
вошо, критик усматривает безум-
ную мечту честолюбца, жаждуще-
го создать сержали новой веры.
Заратустра в качестве "победнос-
ного соперника" Христа! (116).
Так психологический метод подхо-
дит к величайшей драме, которая
совершается на наших глазах. Не
вызывает ли здесь вновь скрытая
дружина всех человеческих дейст-
вий "самолюбие", которую тот же
А. Жид так осуждал в качестве
все спасающей формулы психоло-
гического упрощения у Ларошфу-
ко?

(Окончание следует).

Г. ЛОВЦКИЙ.